

Введенская Мария

МЕРТВОЕ СЕРДЦЕ

Знает ли человек, что такое зло? Может ли с уверенностью утверждать, что не играет на его стороне? Может быть, да. А может быть, нет.

Мария Введенская

Мертвое Сердце

Серия «Библиотеки Смерти»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22067067
Мертвое Сердце: Маска; Москва; 2014
ISBN 978-5-91146-987-0

Аннотация

Новый роман из цикла «Библиотеки Смерти»!

Больше всего на свете Аманда Робсон боялась трех вещей: потерять близких, стать физически неполноценной и постареть. Когда-то давным-давно ей казалось, что любая из этих вещей способна сломить ее психику, толкнуть на крайность и тем самым убить.

Однажды, когда страхи стали реальностью, она встретила человека в старомодной одежде, который сумел вернуть всё, чего лишила её жизнь. Но за это ей придется заплатить.... Зло выбирает податливых к своей магии, обиженных, брошенных. А иногда, словно фея из Спящей Красавицы, отравляет собой младенцев.

Зло выбирает человека, а тот – служить или сопротивляться.

Всё по-честному, без обмана. Но вот беда – время осознания себя антигероем может наступить слишком поздно, когда ничего уже изменить нельзя. Зло ведь так естественно.

Оно повсюду.

Содержание

Пролог	6
Дом №I	14
Дом № II	34
Туда и обратно	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Мария Введенская

Мертвое Сердце

© Введенская Мария, 2014

* * *

Знает ли человек, что такое зло?

Может ли с уверенностью утверждать, что не играет на его стороне?

Может быть, да. А может быть, нет.

А ты, читающий эти строки, знаешь, за кого играешь?

Ты в этом абсолютно уверен?

Именно.

Подумай-подумай, возможно, у тебя еще есть время.

Пролог

Больше всего на свете Аманда боялась трех вещей: потерять близких, стать физически неполноценной и постареть. Когда-то давным-давно ей казалось, что любая из этих вещей способна сломить ее психику, толкнуть на крайность, и тем самым убить.

Ей казалось тогда, что старость страшна, потому что это последний отрезок перед смертью. А еще, потому что это больно и пахнет лекарствами. Ты постепенно перестаешь узнавать себя в зеркале, незнакомцы на улицах больше не бросают на тебя заинтересованных взглядов, и что самое страшное, тебе этого, вроде как, больше и не нужно. Одни не замечают, а другие относятся как к хрупкой кукле, потому что старость превращает кости в стекло, в сухие скрюченные ветви. Аманда иногда задумывалась над тем, что происходит с деревьями, чей век уже истек. Наверное, они просто становятся пылью и ждут своего ветра. Цепляются частицами за его порывы и уносятся прочь открывать новые земли. Хотя могут ли мертвые открывать?

Естественный страшный процесс. Но вот что неестественно – если у тебя вообще нет этих самых веточек, пусть даже сухих и скрюченных. Говорят, инвалидам в развитых странах живется просто. Говорят, созданы все условия. Так почему же их так мало на улицах? Где эти сотни тысяч? Нет,

этот мир не для них... не для слабых, обделенных, немощных и неполноценных. Пандусы в супермаркетах, бугристые дорожки на улицах и прочие *радости*, призванные облегчить жизнь калек в социуме – лишь фантики. Может, это и является определенным удобством, но не снимает с шеи штампованный ярлык «неполноценный». Для *таких* построены специальные лагеря, школы, различные секции даже спортивные, но всё это не более чем жестокая градация, благодаря которой *их* и не видно. Здоровым, а точнее внешне здоровым, это кажется вполне удобным и правильным, успокаивает по ночам, нашептывая, что в нашем далеко не идеальном мире созданы все условия для *них*... не таких, как все. И они мягко погружаются в сон, доподлинно зная, что не более чем пара-тройка калек растревожит их тонкую психику завтра, заставив задуматься о бренности бытия и о том, как им на самом деле повезло иметь обе руки, обе ноги и оба глаза. Хотя, всё по той же старой доброй статистике их должно встретиться как минимум пара десятков. Но где же они? Уж не в спец лагерях ли? Не в специальных секциях ли? А насколько они хотят быть там? Насколько хотят, чтобы всё окружающее их покалеченную жизнь носило приставку «спец»?

И, эта вечная жалость в глазах окружающих. Аманда много раз наблюдала, как какой-нибудь парень с ДЦП весь перекобоченный и хромой рывками пересекает улицу, а проходящие мимо люди украдкой смотрят ему вслед с ужасом и сожалением. А идущие навстречу делают вид, что не за-

мечают вовсе. Возможно, конечно, они просто не хотят открыто пялиться, не хотят показаться дурно воспитанными. Возможно... но глаза всё видят, глаза имеют отличную память, и сейчас в свои семьдесят три Анда доподлинно знала, что эти невзначай брошенные взгляды за тридцать шагов не несут в себе и капли безразличия. Лица людей спокойны, их глаза опущены или направлены к собеседнику, но они всё запечатлели, словно сняли на камеру, и мысли теперь крутятся вокруг одного и того же – *«Не дай Бог, такое со мной или моими близкими»* или *«Слава Богу, в моей семье все живы и здоровы»*. Такова человеческая сущность – почувствовать ценность собственной жизни за счет страданий другого сегодня, а завтра продолжить вертеп из карьерного роста с отгрызанием голов стоящих на пути, запутанных личностных отношений и беспорядочных половых связей, а также чрезмерного употребления алкоголя или других сопутствующих средств, внушающих, что всё не так уж и плохо. Ну и внутренние редко разрешаемые конфликты так же подливают масла в огонь, часто становясь доминантным фактором.

Поэтому Аманда злорадно сказала бы им – *пока живы и пока здоровы*. И не то, чтобы она считала себя ужасно жестокой, просто рассуждала со своей позиции, вот и всё. А еще она знала толк в людях, знала толк в жизни. Что все они постоянно деградирующие уроды и каннибалы в общей своей массе. А жизнь... она просто их поле деятельности. За свои семьдесят три года жизни Аманда накопила достаточно

ума, но он всегда был направлен против ветра, словно флюгер. Может быть, так сложилось со временем, а может быть, она всегда была такой. Анда с обожженным лицом, грудной клеткой и спиной до самого зада. Анда слепая на один глаз. Анда с культей вместо правой руки. О да, она разбиралась в жизни. Она знала, что ничего не изменить вокруг, и уж тем более людей. Знала, что жизнь сорванное гнилое яблоко доверху полное червей. Знала на собственном опыте, что меньше всего калеки хотят, чтобы их сгребали в одну кучу и держали, как табун в стойлах, для их же, разумеется, блага... чтобы их ежесекундно тыкали носами в их несоответствие – назовем это так. Но мир устроен, как устроен, и его не перевернуть. Как говаривал добряк папаша Флинн, чью фамилию носила Анда до замужества: *«В дерьмовом мире цветов не вырасти»*.

Да, всё верно, кивала Аманда поблекшим лицам на свадебной фотографии, запечатлевшей короткометражное слияние двух благородных и далеко не маленьких семейств Флинн-Робсон. Хороший был тогда день солнечный, но не слишком жаркий. Жара пришла позже.... Аманда была такой красивой – с белой кожей, хоть и Флинны коренные южане, чернильными прямыми волосами по пояс, гладкими струями, лежащими на обнаженных плечах и белоснежности свадебного платья. Такая изящная, и ни следа несоответствия. Странно, что она оставила эту фотографию. Тяжело было ходить мимо нее каждый день, хотя и закаляло....

По правое плечо выстроились Флинны: улыбающийся Рональд и умиленно плачущая Лоис – отец и мать. В нижнем ряду сестры в одинаковых платьях – Тара со своими тремя сыновьями, патаскушка Синди и Берта с грудной дочкой. Перед ними на корточки присели двое братьев Аманды – Брайан и Нил, который признался в своем гомосексуализме за пару месяцев, что едва не довело их отца до инфаркта. Слева от Аманды, понятное дело, стоял ее новоиспеченный супруг Денни. Не сказать, чтоб красавец или атлет, но он казался удачной партией по всем критериям, и ей он *в принципе* нравился... Рядом по примеру выстроились Робсоны, но Аманда не проявила к ним достаточного уважения или интереса, чтобы запомнить имена. Знала лишь отца семейства Монти, потому как тот невзначай ухватил ее за задницу – проверял, наверное, соответствует ли кобылка его стойлу... и одну из пяти сестер мужа Кэт, поскольку именно с ней Анда и провела свой последний вечер в условно нормальной жизни. Все они улыбались сейчас, но как-то по-разному. Почему-то казалось, что на лицах ее родной семьи читается *облегчение*...

Как ни странно, но именно Аманда осталась последней среди всех этих людей. Пережила. А ведь ни один врач тогда не брался утверждать, что она протянет хотя бы лет десять с такими повреждениями как внешними, так и внутренними. Но она всех обставила на целых сорок два года, пережив своих сестер и братьев, племянниц и племянников, дядей и тетей, кузенов и кузин. Словно на обеих этих семьях лежало

проклятие, а может Аманда была проклята остаться последней. В любом случае потомства она не оставила, потому как детей на дух не переносила, так что род Флиннов закончился аккурат на ней, хотя, вернее сказать, заканчивался. Но для безрукой полуслепой Анды переходных в этой жизни не было, и в свои семьдесят три она могла с уверенностью утверждать, что с ней, *наконец-таки*, всё кончено. Хоть и в теории, но она считала себя терминальной уже очень давно.

Когда-то больше всего на свете Аманда боялась трех вещей – потерять близких, стать физически неполноценной и постареть. Ей даже казалось, что она способна наложить на себя руки, случись с ней нечто подобное. Но когда она стала калеккой, мысль о самоубийстве не пришла к ней в голову ни разу. Вокруг были близкие, слишком много боли и непонятно откуда развившееся до небес чувство самосохранения. Аманда почему-то не сломалась, но, тем не менее, как вышла из больницы, что случилось где-то через год с небольшим, первым делом повыбрасывала все зеркала из родового гнезда.

Потом стали умирать ее родные. Один за другим. Первым оказался добряк папаша Флинн, и он словно дал стартовый выстрел. Стоило умереть одному, и остальных уж было не остановить. Многих унес рак, особенно из семьи Робсонов. Надо же, сколько народу от него гибнет, настоящий мор! Болезнь несбывшихся надежд, чужих успехов и неудовлетворенности в общем. Естественно, что ей больны почти все....

Но *по иронии* Аманду рак не тронул.

В прошлом году умер последний ее родственник – внук Тары Филипп. Хотел побыстрее миновать железнодорожные пути в глухом пригороде. Он и его невеста. Только один поезд проехал, Филипп – по газам, а в этот момент по встречным путям шел другой, временно скрытый первым поездом. А было темно, и издали парень его, видимо, не заметил. Торопился в койку... а попал в закрытый гроб. Другие водители – свидетели происшествия только рты пооткрывали. Несомненно, эта история стала легендой, обреченной блуждать по их семьям в назидание о том, что никогда не надо торопиться. Невеста Филиппа умерла на месте, а его самого даже успели довести до больницы, хотя на хирургический стол он уже не попал.

И снова за всё то время, что умирали ее близкие, Аманда не вспомнила о самоубийстве, не впала в депрессию, не заболела. Первая смерть, скажем, застала ее врасплох, но в душе... она *ничего* не почувствовала, что даже несколько пугало, а потом впоследствии просто привыкла. И такое вполне возможно, когда вокруг умирает слишком много народу. Аманда просто перестала считать со временем.

И вот она постарела, окончательно поняв это со смертью Филиппа... когда больше никого не осталось, чтобы похоронить. И вновь у Аманды не возникло желания убить себя. А зачем? Если ты уже не ты и, в общем-то, давным-давно. Иногда до сих пор она вспоминала о том, чего так боялась

когда-то. О своих трех самых больших страхах. О тех временах, когда думала, что любая из пугающих ее вещей способна сломить психику, толкнуть на крайность, и тем самым убить. . . . Аманда Робсон редко смеялась, но эти воспоминания заставляли ее потрескавшиеся выцветшие губы разъезжаться в саркастичной ухмылке, оголяя пожелтевшие кривые зубы, и издавать надменный каркающий смешок. Сейчас же ее самыми большими тремя страхами – а точнее волнениями были то, что она не заснет ночью, не сходит в туалет в своё обычное время и провалится трупом неделю прежде, чем будет обнаружена. . . . Вот так меняются приоритеты. Никаких иллюзий.

Дом №I

Было без трех минут девять, но в спальне стояла крошечная тьма. Абрисы мебели едва различались. В таком мраке казалось сложным почувствовать время, если бы не предательски подсвеченные часы на прикроватной тумбочке. Как только минутная стрелка доползла до двенадцати, рука, лежащая на выключателе и словно ожидающая команды, нажала на кнопку, и тяжелые плотные гардины начали расползаться, запуская во тьму спальни ослепительный дневной свет. Аманда рефлекторно зажмурилась, но очень быстро справилась с собой, буквально заставив свой единственный видящий глаз перебороть свет. Но склера выглядела покрасневшей не от этого.

Проблемы со сном у Аманды были всегда, хотя Лоис утверждала, что в детстве маленькая Анди Белоснежка спала как убитая и вообще относилась к тем редким детям, что не приносят своим родителям практически никаких хлопот. На это Аманда могла лишь пожать плечами, потому как совершенно не помнила себя маленькой. Для нее детство казалось одним сплошным слепым пятном. Первое ее воспоминание – это День рождения, устроенный по случаю восьмилетия. Подобное немного странно, ведь обычно дети имеют более ранние воспоминания, если конечно их память не вычеркнула какую-нибудь психологическую травму. Но с Амандой

вряд ли случилось что-то плохое, ведь семья у нее была действительно идеальной. Так что это, пожалуй, действительно странно – не иметь даже самых размытых воспоминаний о раннем детстве. Ничего. Слепое пятно на черной дыре. Зато она отлично помнила себя потом, что было весьма нехвата, ведь когда-то Аманда чувствовала себя счастливой. Анди Белоснежка. Лучше бы не помнила. Лучше бы сгорела.... А то уж слишком стремительной оказалась ее трансформация из Аманды Красавицы в Аманду Чудовище. Хотя спать она перестала не из-за этого. Раньше, *гораздо* раньше.

Она имела проблемы со сном, сколько себя помнила. В ранние годы они ограничивались тем, что Анди подолгу не могла уснуть, всё грезила о каких-то несуществующих мирах дивной красоты под небесами, от которых хочется откусить, с чем и отключалась около трех. Были, конечно, и времена, когда она засыпала, едва коснувшись подушки, но сейчас они представлялись Аманде чем-то, вроде, миража. Впрочем, едва ли она могла утверждать это с уверенностью. Потом с поступлением в медицинский напряжение только усилилось, что, разумеется, отразилось и на сне. Поначалу периоды бессонницы случались с приходом осени и весны, поэтому все считали недуг сезонным и не особо обращали внимание. В общем-то, Аманду это даже несколько забавляло. Не спать в молодые годы – это же романтика! Можно найти уйму интересных занятий – смотреть в ночь, например, или там стихотворение о трагической любви нашкря-

бать.... С приходом сезонной бессонницы первые три дня отодвигали момент засыпания до четырех-пяти утра, потом наступала кульминация в виде полного ночного бдения, когда Аманда валялась бревном в кровати, до последнего надеясь уснуть. Следующую ночь она уже полноценно спала.

И подобное могло повториться раза три за первый месяц сезона, но с каждым годом сама протяженность неминуемо увеличивалась, впрочем, как и повторяемость. Когда Аманда закончила медицинский и стала работать кардиохирургом в местной больнице, кульминация стала равняться двум, а то и трем бессонным ночам, после которых она не засыпала мертвым сном от усталости, как же... еще ночей десять она отключалась не раньше четырех. Это выматывало и злило, а иногда она даже впадала в истерику, раскидывая подушки, одеяло и простынь в разные стороны, а потом вдруг улавливала маленький обренок сна в памяти и понимала, что все-таки ненадолго отключалась, чувствуя себя при этом последней дурой. Да, и самое интересное – пилюли-то ее не брали.... Причем даже самые тяжелые. Иногда ей просто хотелось дать себе наркоз и вырубиться прямо в операционной.

Как ни странно, но, не смотря на все эти мытарства, часов до семи вечера она была вполне ничего, держалась бодрчком. Руки не тряслись, взгляд оставался острым, а голова свежей. Ну, может быть, пару-тройку раз, заглянув в раздвинутую грудину, ей и показалось, что сердце, которое она видит, черное, но это мелочи... ведь пока Аманда работала

хирургом, она ни разу не напортачила. Хотя, может, эти видения являлись знаком того, что случилось с ней позже, и сердце было не черным, а обугленным... кто знает?

Потом, после пожара, когда она больше не смогла работать, бессонница, как ни странно, отпустила ее на некоторое время. Ушла ответственность, может, в этом причина.... К тому же, больше не надо было бояться стать калекой – это уже случилось. А еще не надо заботиться о том, что одеть по утрам, какую машину купить на смену дурацкому красному Плимуту Денни, доставшемуся от отца. Куда поехать отдыхать в отпуск, где купить дом и, главное, как достать денег на всё это.... Да, многие, очень многие проблемы ушли на второй план на необозримо долгое время, а когда острый период закончился, их места опустели для новых – как научиться расписываться в бланках доставки левой рукой, как открыть банку колы, не изгадив пол, или порезать хлеб, ну и так далее. Оказалось, что правая рука и зрение нужны для очень многих вещей....

Через некоторое время бессонница всё же вернулась. Поначалу она походила на ту, что Флинны называли сезонной, но через несколько лет набрала немислимые обороты. Казалось бы, не работаешь, рано вставать не надо, детей нет, мужа тоже – никакой ответственности, так с чего? Когда добряк папаша Флинн свалился с крыши, латая черепицу, и сломал шею, Аманда поняла, что не спала потому, как ее преследовал второй страх. Надо ли говорить, что в первую же ночь

после трагедии, она отключилась, словно получила наркоз. И следующую тоже....

На протяжении всего периода до смерти Филиппа бессонница систематически возвращалась, принимая различные формы, то прогрессируя, то затихая, но она всегда рано или поздно уходила. То есть были и хорошие ночи в ее невестелой жизни, когда Аманда быстро засыпала и просыпалась не раньше восьми-девяти. И не только после того, как кто-нибудь из ее близких умирал.... Порой ей и вовсе казалось, что бессонница просто иллюзия, но та неизменно возвращалась снова. Еще до пожара ее раза три водили к сомнологу, и каждый повторил предыдущий. Диагноз – нервное расстройство сна, море тупых советов и бесчисленное количество рецептов на снотворные и седативные средства, которые бы свалили кабана, но только не Аманду. Ее мозг, видимо, очень любил дуэли и разнообразные состязания. Кто кого....

Ну а после пожара у всех врачей нашелся только один ответ – посттравматический синдром... и через десять лет, и через двадцать, и через тридцать. Ну и, конечно, стопки всё тех же рецептов. Пару месяцев Аманда пила торазин, но как-то раз потерялась в родном квартале, и бросила. Хоть она больше и не вскрывала грудные клетки, но, тем не менее, в ясности сознания нуждалась по-прежнему, хотя бы для того, чтобы разгадывать кроссворды. Лишь недавно она позволила себе капсулу, но та не «взяла» ее... больше нет. Теперь

уже ничто не могло уложить Аманду – ни чудодейственные отвары, ни наркотики.

После смерти Филиппа год назад недели утешительного сна не последовало... Вместо этого начался десятидневный период мучительного засыпания, который достиг своего апогея, продолжающегося по сей день. Да, уже год, как Аманда Робсон, урожденная Флинн, перестала спать совсем... Никаких затерявшихся кадров, галлюциногенных вспышек или размытых образов. Она действительно не спала, а еще очень устала и не верила, как такое вообще может быть. Это же невозможно... Как говорят медики – на пятый день приходят галлюцинации, на седьмой смерть. У Аманды, правда, не было никаких галлюцинаций, да и смерть к ней особо не спешила, и, тем не менее, она доподлинно знала, что не спит. И это выматывало ее, высасывало все соки.

Мир стал медленней, покрылся красной слезящейся воспаленной пленкой. Аманда высохла, осунулась, стала еще злее, особенно к детям, потому что те казались ей маленькими кричащими уродцами. Потому что тыкали ей в спину пальцами и шептались. Потому что у них имелось в запасе море раздражающей энергии, и они жили совершенно в другом ритме. И еще у них не болели суставы, а жизнь была вся впереди. Аманда ненавидела детей.

Она чувствовала себя усталой и разбитой. Жизнь стала похожа на желе, и Аманда плыла в нем сквозь дни без времени и цели словно призрак. Только мозг ее работал исправно,

ярко и четко. Шестеренки вращались ровно с той же скоростью, что и в молодости, а то и быстрее. И так круглые сутки. Лишь около семи вечера ее единственный глаз слипался, и клонило в сон. Семь вечера – время иллюзий. Оно заставляло Аманду устанавливать комфортную температуру для сна, закрывать окна, отсекая спальню от шума улиц, плотно задергивать шторы, выгоняя прочь даже намек на свет. Но как только ее голова касалась подушки, сон уходил... медленно, обидно и предательски. Словно отлив. А каждое утро ровно в девять и не минутой раньше левая ладонь Аманды ложилась на выключатель и нажимала кнопку, чтобы впустить в спальню новый день. Изрядно затянувшийся день. Нескончаемый. День протяженностью в вечность.

* * *

Аманда, кряхтя, уселась на кровати и уронила голову на грудь. Поседевшие волосы, постриженные под строгое каре по мочку уха, которое она носила последние сорок два года, упали на обожженное лицо рваной завесой. Они истончились с годами, потеряли весь свой блеск. Хотя всё истончается со временем и теряет блеск. В какой момент человеку становиться плевать на это? Что до Аманды, то в ее жизни такой момент настал слишком рано.

Наученная горьким опытом резкого вставания с постели, она поднялась очень медленно, тщательно подготовившись

к данному процессу. Посидела на кровати некоторое время, затем свесила ноги и растерла их. Потянула спину, осторожно повертела головой в разные стороны, посидела так еще пару минут и, наконец, встала. Когда валяешься на полу с рассеченным виском в полуобмороке, начинаешь принимать самые незначительные вещи всерьез... будь то даже такое банальное действие как вставание.

Доковыляв до ванной, Аманда первым делом бухнулась на унитаз, лениво размышляя, увидит ли сегодня кровь в моче. Разве не так начинается утро у людей ее возраста? Не увидела. Потом, зажав зубную щетку зубами, выдавила немного пасты. Она никогда не завинчивала тюбик, даже имея обе руки. Почистив зубы, Аманда причесала волосы на глубокий косой пробор, как делала последние сорок два года, чтобы максимально скрыть правую половину лица. Причесывалась она сугубо на ощупь, потому что некогда исключила из собственной жизни все отражающие поверхности, так как они запросто могли довести ее до безумия, до слепой полыхающей ярости.

После больницы Аманда била кулаком в каждое зеркало, которое только удавалось обнаружить. Сестры держали комнаты под замком, но для Аманды не существовало закрытых дверей. Она могла вскрыть любой из них – такой уж у нее был дар. И она врвалась в их комнаты, чтобы крушить, кромсать, топтать... Аманда выжила все зеркала из дома, будь то маленькие дамские или огромные встроенные

в шкаф. Первой не выдержала Тара, за ней Синди, последней уехала Берта. Сейчас конечно эти времена прошли, их сменила тихая неприязнь к собственному отражению. Ни один мускул бы не дрогнул... За сорок два года можно привыкнуть и не только к собственной роже. Хочешь-не хочешь, а жизнь заставляет...

В тех специальных заведениях, где довелось побывать Аманде, она насмотрелась и не такого. На что только не способны люди, когда им во что бы то ни стало, хочется верить в то, что их жизнь будет того же качества, что и раньше. Аманда знавала двух парней без рук – у одного они были ампутированы выше локтей, а у другого отсутствовали кисти. Так вот первый писал, зажав ручку в зубах, и получившийся текст казался близким к каллиграфии. До своей аварии он работал учителем младших классов, и чистописание являлось для него очень важной штукой. А второй парень был домушником, так вот даже без рук он мог открыть любой замок, зажав отмычку в зубах. Не просто принять то, что твоя жизнь больше никогда не будет, как прежде. Аманда тоже первое время после пожара училась орудовать скальпелем левой рукой, хоть и знала, что в больницу ей путь заказан. Но продолжала переучиваться, это казалось таким важным. Как обезопаситься, когда чувствуешь себя столь уязвимой и слабой? Было две руки, стала одна. Было два глаза, остался один. А вдруг кто обидит? Вот Аманда и носила свой старый скальпель в дамской сумочке. И она смогла бы за себя

постоять, просто шанс еще не представился. А ведь она пребывала в полной боеготовности... столько раз прокручивала эту сцену в голове, хоть и не слыла мечтателем, как те двое безруких идиотов. Учитель, явно забывший взять в расчет, что его нынешний внешний вид отведит от школы как минимум с десятков маленьких детей. Домушник, который в дом-то влезет, а вот унести ничего не сможет.... Жизнь меняется и надо искать себя нового, а иначе она превратится в пустое ожидание смерти. Не сразу Аманда поняла, что выбрала именно этот путь....

Было десять утра. Неторопливо прожевав завтрак, она оделась в бесцветное мешковатое платье, засунув правый рукав в карман, и вышла на свой ежедневный променад. Она делала это, чтобы хоть как-то разогреть мышцы, поддержать иллюзию своей общественной принадлежности, а может, заставить кого-то почувствовать себя счастливей, удачливей на какое-то время, оказавшись показательным примером злого рока, напоминанием, насколько переменчива жизнь, и что надо ценить ее во сто крат больше.

Путь Аманды лежал вдали от загруженных улиц и толп людей, спешащих по своим делам. Она предпочитала красивые умиротворенные улочки с вереницами приземистых домиков, владельцы которых ценили то же, что и она – спокойствие и тишину. Сначала по улице Роз, где и возвышался могучий дом Флиннов последние полтора века. Потом направо сквозь Дубовую аллею на улицу Вязов, где находился

«Аленс» – единственный супермаркет, в котором отоваривалась Аманда. К ней там привыкли и не пялились, как на циркового уродца, что вполне ее устраивало, а если и попадался какой-нибудь заезжий хам, Аманда могла запросто кинуть в него пакетом молока или чем потяжелей, и никто слова бы не сказал. В конце улица Вязов упиралась в Ткацкий переулок с заброшенной одноименной фабрикой, откуда и начинался путь к дому по параллельной с Вязовой улице Ив, которая вливалась в Дубовую аллею. Вся дорога занимала от полутора до двух часов с той скоростью, с которой передвигалась Аманда. По приходу домой она обычно готовила себе обед, ела его, смотрела телевизор, проводила некоторое время в интернете, пока глаз не начинал слезиться и болеть. В семь наступало время иллюзий, когда казалось, что в эту ночь она обязательно уснет. После Аманда ужинала и укладывалась в свою большую удобную постель, но как только голова касалась подушки, всё желание спать начисто пропадало, как будто и не было вовсе. Когда-то подобное ее раздражало, но эти времена уже давным-давно минули. Те безрукие парни в итоге приняли то, что их жизнь больше не будет такой, как прежде, и позволили ассоциации инвалидов запереть себя в одном из специальных мест, где они могли бы работать и приносить пользу обществу. Разве не для этого мы все живем? Аманда знала это, потому как читала про них в газете. Про группу инвалидов, основавших марку одежды Дженнингсон по имени учредителя с мышечной дистрофией, но

на фото красовались только те безрукие парни с зажатыми иглами в зубах и улыбками до ушей. Они пришивали пуговицы. Вот ведь диво – пришивать пуговицы зубами! Людям такое нравится....

В отличие от них Аманда не захотела быть цирковым уродцем, поэтому просто осталась в этом большом доме на улице Роз и всё. Деньги у нее имелись в достатке, ведь она оказалась последней из семьи Флиннов по какой-то странной иронии и владела всем нажитым этой семьей. Хотя, несомненно, должна была стать первой.... Аманда жила в своем маленьком мире, полном странных одиноких привычек, копя несмирение и нежелание даже попытаться занять место в социуме. Плевала она на социум.... Аманда бы никому не позволила тыкать в свое фото пальцем со словами – *О-о! Смотрите, она готовит одной рукой!* Анда выбрала другой путь – одинокой никому ненужной калеки со скальпелем в сумочке, практически запертой в собственном огромном доме, и прекратившей спать со смертью своего последнего родственника.

* * *

Впервые Аманда увидела человека в старомодном темно-синем костюме и котелке, когда тот вынырнул у прачечной в самом начале Вязовой улицы. Среднего роста и телосложения довольно подвижный он бодро зашагал вдоль по

улице, пока не скрылся в Аленс. Что-то в нем заинтересовало Аманду, заставило следить за движениями. Может, дело в одежде, в этом его головном уборе? В любом случае, что-то в этом человеке не давало ей покоя. Что-то даже *знакомое*... близкое к этому понятию.

Проходя мимо витрин, Аманда намеренно сбавила шаг и просканировала зал. Хоть глаз у нее был и один, но работал исправно. Вообще она никогда не тормозила у витрин магазинов, считая это зазорным, словно ты смотришь на то, что не можешь себе позволить. Но сейчас Аманда оказалась слишком заинтригована, что так на нее не похоже. Мало ли, сколько чудиков ей встречалось за жизнь, разве хоть когда-нибудь она останавливалась, чтобы посмотреть им в спину? Нет, никогда. То, что происходило с ней сейчас, было настоящей дикостью, а не просто странным.

Человека в котелке не высматривалось среди прилавков. По правде сказать, там вообще никого не высматривалось. Свет выключен, двери заперты, а на стекле извинительная табличка, небрежно приклеенная скотчем. *Что они с ума все походили?!* – поморщившись, подумала Аманда. А если бы ей срочно понадобился, ну скажем, клубничный джем?! Такое было впервые. Она еще раз провернула в голове увиденное издали, ища подвох, и решила, что парень в старомодной одежде мог завернуть за магазин, а не нырнуть внутрь. Все-таки расстояние немаленькое, да и не будем забывать, что у Анды всего лишь один глаз, могла и ошибиться как-никак.

Черт его знает... может, и правда ошиблась. Аманда покачала головой, не обратив внимания, что ее тень, которая сейчас расползлась слева, *никак не отобразила это движение*, и поплелась дальше по Вязовой, стараясь выбросить человека в котелке из головы. Да и часто ли мы наблюдаем за собственной тенью? Аманда уж точно нет, ведь та была для нее словно зеркало.

Однако когда она свернула в Ткацкий, то буквально опешила, увидев впереди Темно-синий костюм в котелке. Мужчина шел впереди шагах в тридцати, но ошибки быть не могло. Точно он. Да и солнце сейчас светило точно в спину, позволяя Аманде хорошо его разглядеть. Переулок тянулся вперед длинной извилистой змеей, и кроме них с Котелком больше никого не было, отчего Анда чувствовала себя как-то неловко и не совсем в безопасности. Из-за разницы в скорости расстояние между ними постоянно увеличивалось, что немного снимало напряжение.

Как же он попал сюда? – думала Анда. – Если завернул за магазин?

Может, конечно, он оббежал цепь домов сзади и вышел в Ткацком? Но весь вопрос – зачем? Странный тип... Она бы размышляла еще очень долго на эту тему, потому как мозги нужно чем-то занимать, особенно, в ее возрасте и положении, если бы не одно «но». Внезапно человек в темно-синем костюме и котелке остановился и развернулся по направлению к ней... Сердце подпрыгнуло, в висках застучало, но по

инерции Аманда продолжала идти вперед. Во-первых, как говаривали у нее в семье – Флинны назад не поворачивают, а во-вторых – смысл? Если он психопат какой-нибудь, то всё равно догонит. Кричать? А собственно зачем? Он ведь просто стоит и смотрит.

До конца переулка с заброшенной ткацкой фабрикой, обнесенной трухлявым забором, и соответственно поворотом на Ивовую улицу оставалось около полумили. А человек всё стоял и не собирался двигаться с места, пристально глядя на приближающуюся Аманду. Та люто ненавидела, когда кто-то ее разглядывал. В основном, конечно, это были дети, и она кричала на них, пугала, могла запросто кинуть камнем. А этот... отчего-то вызывал в ней самой тихий ужас. Точно психопат. Надо лишь только его обойти, а дальше.... Аманда запустила левую ладонь в сумку и сжала свой старенький скальпель – сколько времени прошло, а он казался всё таким же острым.

Наконец, они поравнялись. Мужчина даже не шелохнулся, продолжая всё так же пристально на нее смотреть. *Вот наглец...* – злобно подумала Аманда. Она принципиально не смотрела в ответ, словно была одна на этой улице, пускай и балансировала на самом краю дороги, вымеряя расстояние между ними для того, чтобы успеть вытащить скальпель и удобно развернуться.

– Анди Белоснежка... – вдруг прошептал он еле слышно. Словно легкий ветер, обращенный в ее сторону, прошелся

по сухим листьям. Ветер, который приносит дурные вести и распространяет огонь от дома к дому, пока не уничтожит весь город.

Аманда повернулась к нему, да так, что хрустнула шея, и всё почернело, так же как тогда в спальне, когда она резко встала и свалилась головой о прикроватную тумбу срубленной трухлявой сосной. Однако она успела запечатлеть его лицо, словно сфотографировала. Молодой парень лет тридцати с темными небрежно отросшими почти до самых плеч волосами, весело торчащими в разные стороны из-под его старомодной шляпы, надвинутой на самые глаза. Они – такие огромные золотисто-карие на худом лице, пронзительные как у щенка – заговорщически улыбались и звали сыграть во что-нибудь не совсем законное. Так же интересней! Они превращали его в школьника и сводили эфемерные тридцать к шестнадцати. На губах играла усмешка. Не убийца – нет. Скорее игрок или аферист. Но то, что он сказал... как назвал, напугало Аманду до чертиков. Так называли ее в детстве, а иногда проскакивало и позже, но только не после пожара. Никто бы не осмелился на такое. Аманда бы убила... на полном серьезе. Потому что это издевка, насмешка, как на лице у этого парня – эта его застывшая ухмылочка и задор в глазах.... Да как он смеет?! Его и на свете-то не задумывалось, когда ее так называли. Как он может знать, откуда? Это ведь семейное....

Слава Богу, до обморока не дошло. Чернота и голово-

кружение спали, и Аманда снова твердо стояла на ногах. Тем временем парень в старомодном темно-синем костюме и шляпе был уже шагах в пятнадцати от нее, и расстояние это неминуемо увеличивалось.

– Эй, ты! – окрикнула его яростно та, но безрезультатно.

Что ж... Аманда не слыла самой доброй и отзывчивой на свете, а таких выродков ела с удовольствием на завтрак, не жуя, поэтому она с новой силой сжала свой маленький скальпель в сумочке и с той скоростью, на которую только могла рассчитывать в свои семьдесят три года, поспешила следом.

В жизни ей встречалось немало обидчиков – так она считала. Невоспитанные дети, тыкающие в нее пальцем – *О! Как же она ненавидела детей!* Местный дурачок, посмеявшийся над ней как-то раз, растянувшись в своей лунатичной улыбке, и не выпуская при этом палец из носа. Засмотревшийся новый почтальон, намертво сросшийся с письмом, которое доставлял. Бывшие сослуживцы, позволившие себе снисходительный участливый тон, когда встречали Анду на улице. Школьные подруги, отвернувшиеся от нее, потому что с такой как она теперь не зайдешь в бар пропустить стаканчик. Денни... Денни-Денни-Денни – пожалуй, именно он научил ее, как следует злиться, быть в постоянной боеготовности, видеть в людях только плохое. Аманде всерьез казалось, что раньше она жила иначе, не как сторожевой пес в стойке. Это так утомляло, обесточивало, и да, возможно, именно поэтому она осталась одна. Плохо ли это? Хорошо ли? Какая те-

перь разница, когда жизнь прожита? Аманда не ручалась выносить какие-либо утверждения на сей счет. Она просто так жила, и семьдесят три – не тот возраст, чтобы что-то менять. Так она думала...

А может, послышалось? Может, наконец, бессонничные галлюцинации? С опозданием, правда. Ну да Бог с ними.... Чего он тогда не обернулся, на ее «Эй ты»? Может, счел это слишком грубым? Она снова окликнула его и на этот раз грубее некуда, потому как считала, что все люди вылезли из выгребной ямы, а, следовательно, их можно доконать методами Анды, если очень хорошо постараться... разговаривая на их местном выгребном наречии, например. Но парень развеял этот миф, даже не попытавшись сделать вид, что слышит. Аманда едва не бежала, бросая ему в спину злостные ругательства, одно ужасней другого. Это было сродни преодолению себя, но парень всё равно оказался быстрее. На лбу выступила испарина, в глазу плавали мыльные разводы, ноги ныли, а поясница обещала адский радикулит на пару недель, словно Аманда механическая игрушка, настолько старая, что из нее постоянно вываливаются всякие болты и гайки.

Парень в котелке миновал поворот на Ивовую улицу, устремившись к ткацкой фабрике. Во время войны таких было много. Шили одежду для солдат. Со временем большинство продали под другое производство, а какие-то просто снесли. Эту тоже собирались снести, но только вот она всё

стояла и стояла, грустно выглядывая своими пыльными побитыми черными окнами из-за высокого прогнившего перекошенного забора. В одном месте он и вовсе был проломан. Местные говорили, что кто-то спяну не вписался в поворот, но только Анда определенно знала, кем этот кто-то являлся. Денни. На своем красном Плимуте. Как можно позабыть такое? *Кто-то...* Хм, как же! Дыра служила, словно входом в пещеру. Почти аккуратная. Денни вообще всё делал аккуратно, будь то мытье посуды или утренний трах. Мерзкие хулиганы – так называла Аманда местных детей – часто проникали на территорию фабрики, чтобы устроить там свои дурацкие дикие игры. Как же она радовалась, когда один из них сломал ногу, сорвавшись с балки. *О чем только думают их дегенераты родители?* – вечно возмущалась она. – *Надо же следить за своими детьми, наверно!*

Парень в старомодной одежде, назвавший ее Анди Бело-снежкой, пригнулся, аккуратно придерживая шляпу, и пролез на территорию ткацкой фабрики через дыру в заборе. Аманда пренебрежительно фыркнула – мол, еще один.... Она была уже близко к цели. Сделала практически невозможное, разогнавшись словно паровоз. Пот катил градом, воздух застревал в груди, отказываясь насыщать организм.

Лишь на секунду Аманда замешкалась практически у самой дыры.... А собственно, что она будет с ним делать, когда догонит... если догонит? Нападет на него со скальпелем? Убьет за то, что он поиздевался над ней? Это, конечно, *при-*

чина, но между ними годы, различия в силе, ловкости и много еще в чем. И вообще, зачем она прётся на заброшенную ткацкую фабрику? Может у него там целая шайка, и ее специально сюда заманивают – мало ли извращенцев?! И в эту самую секунду взгляд Аманды, наконец, упал на собственную тень, которая теперь лежала прямо перед ней....

Она в ужасе охнула, ноги заплелись друг о дружку, и Аманда начала падать вперед, прямо на нее – на свою тень, растянувшуюся на асфальте, буквально ныряя в нее, проваливаясь. И в ее голове сейчас не было ни единой мысли о том, чем чреваты падения для семидесяти трехлетних старушек. Она лишь смиренно подумала, что у нее все-таки начались галлюцинации из-за бессонницы.

Тень, которую увидела Аманда, совершенно точно не принадлежала ей. Она была одета по-другому, и волосы не заканчивались у мочек, развиваясь на ветру пышной копной по пояс.... Но даже не это привело Аманду в состояние полного шока, а то, что у тени были обе руки.

Дом № II

Аманда лежала лицом вниз, словно ящерка. Она всё еще была в шоке. Знала, что потеряла сознание, и теперь прислушивалась к себе изо всех сил, выискивая признаки ушибов, вывихов, растяжений или переломов. Боли не чувствовала. А вдруг ее парализовало?.. Эта мысль окончательно привела Аманду в чувства и заставила легонько пошевелить конечностями. Нет, всё в порядке. Наконец, она открыла глаза и сразу определила – что-то не так. Она по-прежнему смотрела на асфальт, но и этого было вполне достаточно, чтобы почувствовать неладное. Он казался ярче и объемней, что ли... излучал массу тепла. Почти *красивый*.

На секунду Аманде стало грустно, все-таки целый год она прожила со своей бессонницей, думая, что особенная, раз не имеет галлюцинаций и не умирает. Она даже пыталась искать подобные случаи в интернете и успешно – Ал Херпин, который за всю свою жизнь ни разу не сомкнул глаз; Дэвид Джонс из Андерсона, не спящий по полгода; венгерка Рэчел Саги, прожившая без сна двадцать пять лет два месяца и одиннадцать дней; Юстас Бернетт, который вот уже пятьдесят четыре года решает по ночам кроссворды и читает книги. Колесита хроническая или полная бессонница – редчайшее заболевание, и Аманда думала, что страдает им. Что ж, видимо, придется пить таблетки, которые превратят ее мозг

в кашу....

Но расстройство Аманды начало внезапно проходить, когда она поняла, *что* именно попадает в ее поле зрения, кроме асфальта. Она никогда не страдала от давления, но сейчас, похоже, оно достигло некоей критической отметки.... Черные блестящие густые локоны разметались по плечам от падения... по плечам, планомерно переходящим в предплечья, локти, кисти и ладони. *Две кисти и две ладони*. Без кривых стертых суставов, без вздутых синих вен, без морщинистой кожи. Оборвалось дыхание, а сердце шаршило, будто дятел выдалбливал себе дупло. И так прошло не менее десяти минут, потому что Аманда никак не могла оторвать взгляда от своих рук, как будто бы их сцепили незримым стальным тросом. А ещё... вдруг, если она перестанет смотреть, рука просто исчезнет? Ведь не было же ее сорок два года. Как и этих чудесных волос....

Наконец, очень осторожно, словно боясь спугнуть, Аманда начала подниматься. Медленно, не моргая, чтобы не выпустить правую руку из поля зрения ни на миг. Сам процесс вставания давался слишком легко, учитывая ее возраст. Колени не ныли, спина спокойно сгибалась и разгибалась, нигде не болело, не скрипело, не выпрашивало ортопедический матрас в срочном порядке, или там подъемный кран в крайнем случае. Поднявшись неким подобием вопросительного знака, сквозь растопыренные пальцы Аманда увидела свои ноги, обутые в черные балетки с атласными лентами.

Без варикозных синих вен, без уродливых сосудистых звездочек и белой пластмассовой кожи. Это были ножки молодой женщины, поцелованные солнцем, ровные и длинные. Вместо мешковатой бесцветной одежды на ней красовалось кукольное платье без бретелей в мелкий синий цветочек и с полосой шитья на лифе и по подолу. Анди Белоснежка обожала это платье и *в тот вечер* рассекала именно в нем. Это было странно и добавляло к внезапно обрушившемуся счастьем немного горечи.

Набравшись смелости оторвать взгляд от руки, да и вообще от себя самой, Аманда откинула длинные аж до самой поясицы черные блестящие волосы небрежным жестом, по которому так соскучилась, и посмотрела перед собой. Нервный смех сорвался с губ.

К тому месту, где она сейчас стояла, по-прежнему вели две дороги – одна, по которой пришла, вторая, по которой обычно уходила домой... – и, пожалуй, это было всё, что напоминало о родном районе. Открывшееся Аманде зрелище очень походило на сны, по которым она так скучала, находясь в состоянии полной бессонницы. Ее окружало буйство зелени с диковинными цветами, достигающими метра в высоту. Безумная палитра красок разлилась перед глазами, словно Аманда перенеслась в роскошный ботанический сад. Казалось, здесь росло всё... и даже больше, чем всё – доселе еще не придуманное. Она никогда не видела столько разнообразных растений сразу. А деревья – такие мощные, слов-

но ламинированные, натертые мастикой, с богатыми раскидистыми кронами. Посмотришь на такие и думаешь, что у них есть свое собственное мнение... суждение, отличное ото всех. В конце концов, они целая эпоха. А от неба хотелось откусить – такого дивного цвета оно было. Похожее на спелый грейпфрут, розовое, кое-где с желтыми бликами. Сладкое и сочное, такое могло быть лишь на закате, да и то лишь маленький участок. То, что видела сейчас Аманда было поистине чудесным... слишком чудесным, чтобы быть правдой. Да еще так ярко и объемно, как она не видела уже давно.

Плохо справляясь с внезапно обуявшей дрожью, Аманда закрыла своей молодой рукой левый глаз, и – о, чудо! – фантастический пейзаж никуда не исчез. Потом на всякий случай закрыла правый, всё по-прежнему осталось на месте. Она обхватила ладонями своё молодое красивое лицо, пытаясь нащупать шрамы, но они пропали. И на груди тоже. Гладкие молодые плечи и стройная, чистая спина.

Что это? – подумала Аманда, а потом отмахнулась. Какая разница? Последние сорок два года больше не играли особой роли, раз теперь она снова молода и красива. Так что причина, по которой произошла эта внезапная метаморфоза, ее не интересовала. Какая к черту разница? Смерть ли, галлюцинации, а может дьявол захотел купить ее душу? *Да за такие блага... пожалуйста!* – сказала бы Аманда. Она бы и раньше ее продала – просто никто не спрашивал, никто не предлагал. Впервые за очень-очень долгое время Аман-

да чувствовала себя абсолютно счастливой. Это ведь целая жизнь, а для кого-то, может, и две. Она пребывала в аду все сорок два последних года, сплошное черное пятно. Вот бы сейчас заглянуть в зеркало, простоять перед ним пару часов минимум, восторгаясь собой, изучая каждую обновленную клеточку.

Первой мыслью было, а не приведет ли эта дорога к некоему подобию Дубовой аллеи, а в следствии к некоему подобию улицы Роз и, соответственно, некоему подобию ее дома? А потом Аманда обернулась, столкнувшись с еще одним напоминанием прошлого. На месте ткацкой фабрики возвышалось причудливое здание, сокрытое частично густыми зарослями. Оно находилось слишком далеко, чтобы рассмотреть детали, да и еще – за высокими кедрами, но странную верхушку какой-то спиралевидной формы Анда всё же рассмотрела. Там должны быть зеркала, или окна... хоть что-нибудь.

Забор стоял на месте, только не тухлявый, а новый, свежешеллачый лаком. Да и подарочек Денни – дыра зияла в нем, как и положено. Аманда подошла ближе, с удовольствием отмечая, как легка ее походка, как свободны мышцы. Пропала боль и ощущение, что она не спит вот уже, черти знает, сколько времени. Ни слабости, ни усталости, напротив – Аманда ещё никогда не чувствовала себя столь отдохнувшей и полной сил.

На заборе точно над проломом в самой верхней точке цве-

ла голубая плетистая роза, источающая удивительный тонкий аромат близкий к смеси жасмина, томных магнолий и пряных роз. Как это ни забавно, но она почему-то ассоциировалась с дверным звонком и была очень красивой, без единого изъяна. Поддавшись мимолетному искушению, Аманда коснулась холеным пальчиком лепестков.

Прогнувшись и заглянув на другую сторону, она увидела, что сам куст расползся пятерней по заборным доскам и выглядел очень мощным, но цветов, кроме этой идеальной удивительного цвета розы, на нем больше не росло. От пролома, словно он служил воротами, к дому вела широкая витиеватая тропинка. Величественный с розовой облицовкой и местами заросший мхом особняк теперь хорошо проглядывался. Пятиэтажный с большими окнами он сужался, словно многоярусный торт, превращаясь в некоторое подобие смотровой площадки, как делают на маяках. Дом казался высоким, и, наверное, забраться туда на самый верх было бы очень приятно. По крайней мере, для того, чтобы составить хоть какое-то представление о месте, в которое попала Аманда. И, конечно же, там должны быть зеркала!

Обрадовавшись этой мысли семидесятитрехлетняя женщина, на вид которой не дашь и тридцати, бодро зашагала по тропе, утопающей в безумстве разнообразных растений, высоченных деревьев и фантастически красивых цветов.

Человека в темно-синем костюме и котелке звали Уоррен Глик, и сейчас он стоял на верхнем этаже своего дома у окна, наблюдая за черноволосой молодой женщиной, чуть ли не вприпрыжку идущей по тропинке. Он хорошо знал ее и в последний раз видел в том возрасте, в котором она пребывала сейчас. Талантливой была девочка, надо заметить. Сбежала от смерти, но, вряд ли, об этом помнит. Хотя шуму наделала! Она, конечно, и понятия не имеет, что именно тогда натворила. Довела его хозяина до такой ярости, что тот едва не истребил целый город, когда нашел ее. Но в отличие от него, Уоррен был совершенно очарован поступком девчонки – таким безумным и безответственным. . . . Поэтому он прятал ее, насколько позволяли возможности, старался уводить хозяина в другую сторону, когда возникала необходимость. А когда тот все-таки нашел ее, Уоррен спас ей жизнь, и подменил кое-что в его кабинете, чтобы хозяин считал Анду мертвой. . . своей. Но Глик не учел, что тот захочет поквитаться с ней и вернуть то, что она украла из его дома. А ведь она украла самое лучшее. Да, Анда была просто восхитительна. Но, сколько бы Уоррена она не забавляла, проблемы это не решало. Теперь его собственная шкура оказалась на кону, потому что хозяин почувал неладное, а это плохо. Очень плохо.

На подходе к дому Аманда поняла, что за ней наблюдают. Заметила фигуру на верхнем этаже. Она даже чуть замедлила шаг, рискуя впасть в ступор. Нахождение зеркала больше не казалось первостепенной задачей. Однако Аманда не повернула, и во многом, потому, что Флинны назад не поворачивают. А также она была совершенно уверена, что это тот самый парень, назвавший ее Анди Белоснежкой, и теперь она ею действительно стала.... Значит, это он притащил ее сюда, где бы та не находилась, и значит, встречи всё равно не избежать. Но ноги словно налились свинцом, а в животе запорхали бабочки, непрестанно множась и питаясь. Это чувство не нравилось Аманде, оно сулило перемены, а перемены она, ой, как не любила. Хотя, в общем-то, они и неизбежны.

Внутри дом оказался таким же чудаковатым, как и снаружи, а еще старомодным под стать хозяину. Пока Аманда шла к лестнице по бордовому ковру с золотым кантом, она насчитала пять граммофонов на стойках и шестнадцать черно-белых фотографий с цирковыми артистами, украшающих стены. В одно из окон забралась лиана с розовыми колокольчиками, источающими пряный аромат, и заполонила своими отростками полстены. В высокий потолок упирались четыре римские колонны, выделяя квадрат с изумительной хрустальной люстрой. Справа и слева находилось по двери, но

они были закрыты, да Аманда особо и не любопытствовала на их счет. Гораздо более занимательным казался игрушечный поезд, похожий на Хогвартс-экспресс, идущий по проложенным вдоль стен рельсам. Из мебели в круглом зале, обставленном в античном стиле, стояли банкетки самых разных вариантов обивки, роскошные табуреты с кистями, сундуки, громоздкий секретер и пара витрин, за которыми красовались шкатулки и часы – много часов.

Аманда поднялась, и, пройдя три этажа, составила своё полное впечатление об этом доме. Он представлял собой совершенно безумное смешение стилей и красок, стремительно меняя тона с мрачного на радужный, но в любом случае этот дом принадлежал Мартовскому зайцу... по-другому и не назовешь. Зато Аманде здесь определенно нравилось. На четвертом этаже и вовсе бил фонтан, который отливал всеми оттенками розового, ухватывая блики грейпфрутового неба, словно на дне кто-то рассыпал кристаллы. С каждым этажом пространство уменьшалось, и на пятом уже не было ни коридоров, ни дверей, ни арок, ведущих в другие комнаты. Стены казались немного округлыми, из-за чего создавалось впечатление, что Анда попала на космический корабль, или же путешествует по гигантскому свадебному торту. Всё те же лианы проникали через открытые окна и царствовали повсюду своими маленькими то розовыми, то синими цветочками, похожими на колокольчики, а из самого центра зала поднималась винтовая лестница, ведущая на смотровую. Из мебе-

ли здесь стоял только старинный письменный стол и плотно задвинутый стул, а еще совершенно не к месту расположились гигантские ходики. Всё.

Сам хозяин дома сидел на столе, беспечно болтая ногами, и обаятельно улыбался во всё лицо. Он был красив и молод, и больше не пугал так сильно. Старомодная шляпа сейчас лежала рядом.

А вдруг я здесь по ошибке? – подумала с ужасом Аманда. – *И он сейчас заберет всё это... все эти сокровища и отправит домой подышать от старости и гречи?* Она уже жалела, что не повернула тогда назад. Но эта улыбка – такая очаровательная и дружелюбная... она сбивала с толку.

– Подойди. Я совсем не вижу тебя. – сказал звонкий голос.

Аманда вздрогнула от неожиданности, но не стала заставлять его ждать. Теперь розовый свет с примесью оранжевого лег на ее лицо и плечи, но парень был явно недоволен.

– Нет-нет-нет... – он замотал головой, как будто с трудом подбирал слова. – Ближе.

Тогда Аманда сделала еще несколько шагов и еще, и еще, до тех пор, пока его ладонь не легла ей на щеку. И она не была против, потому что никто не касался ее так уже много-много лет. С тех самых пор, как она выпала из жизни... если вообще в ней присутствовала.

– Идеально... – протянул он, словно пластический хирург, оценивающий свою самую лучшую работу, а потом предложил руку. – Меня зовут Уоррен Глик.

Аманда тут же пожалала ее, заметив:

– А моё имя тебе известно, как мне думается.

– Известно. – согласился тот и многозначительно улыбнулся. – Хочешь, сядь.

– Да нет, я уж лучше постою. Давно я не чувствовала себя так хорошо. Надо ловить момент, а то вдруг придется вернуться.

– А вернуться придется... – с сожалением промурлыкал Глик.

Тут внезапно Аманда вспомнила то неприятное липкое чувство, посетившее ее при входе в дом, и почему оно так не понравилось ей. Вот и ответ. Перемены в ее жизни никогда не приводили к хорошему. С потяжелевшим сердцем Анда оттащила стул в сторону да с таким скрежетом, словно ножки оставили борозды в дощатом полу.

– Что ж... – своим более привычно низким и тяжелым голосом сказала она, садясь. – Тогда надо побереечь силы.

Но улыбка Уоррена была столь неподдельно открытой и обворожительной, что Аманда сдулась, словно воздушный шарик, и обреченно покачала головой.

– Нет-нет-нет, ты не поняла. – прощепетал Уоррен. Казалось, ему гораздо легче объясняться жестами, а не словами. – Ты просто должна кое-что сделать, чтобы обезопасить себя. Кое-что забрать и принести сюда.

– Сюда... – медленно повторила Аманда, прищурившись. – Значит, снова калека...

– Только пока ты не здесь.

– Но, что я должна принести? – чуть расслабившись, спросила та.

– Фигурку из черного оникса.

– Какую еще фигурку? – Аманда слепо уставилась на Уоррена. Ее глаза сузились от напряжения. Они прямо-таки отражали работу мозга. – С барахолки что ли?..

– Нет-нет-нет... она у тебя дома. – покачал головой тот, подбирая слова. – Фигурка демона из черного оникса. Ты играла с ней в детстве, помнишь?

На лице Уоррена отразилась такая надежда, что даже жалко было его разочаровывать.

– Нет...

– Ну, где вы там, люди, храните забытые вещи? – не сдавался тот. – На чердаках. У тебя ведь есть чердак, Анди?

– Да.

– Когда ты последний раз туда поднималась?

– Я не помню... – покачала головой Аманда.

– Я слышал, некоторые говорят, чердак – темная душа дома, и очень важно держать его в чистоте. Важно помнить наперечет, что у тебя там спрятано.

– Я такого не слышала. – напряженно ответила Аманда, пресекая на корню выплеснувшееся красноречие.

Тот лишь пожал плечами – мол, так говорят, вот и всё. Аманда сложила на груди руки, наслаждаясь каждым движением, и с усмешкой спросила:

– Это что, какой-то магический артефакт? Или просто твоя вещь, которая случайно попала ко мне? Я не понимаю....

– Ну, почти. – коротко улыбнулся Глик и очень тихо сказал. – Только вот она не моя. Ее владелец один очень неприятный тип. Убийца... и боюсь, что тот пожар, в котором ты *пострадала*, устроил именно он.

Аманда вылупила глаза, эти слова будто обдали ее кипятком.

– Что??? Из-за какой-то гребаной фигурки?

Глик мягко и сочувственно кивнул.

– Но за что? Попросил бы, я бы отдала! Зачем же жизнь-то ломать?! – ее щеки пылали, а глаза, обезумевшие и хищные, обещали как минимум резню.

Никогда в жизни ей не приходило в голову, что тот пожар кто-то устроил злонамеренно. И уж тем более из-за нее. О других погибших она и не вспомнила, потому что в голове нашлось место только для ее уничтоженного «я». Впрочем, как и всегда.

– Кто разберет этих убийц? – осторожно заметил Уоррен.

Он отлично знал, что если рассказать ей всю историю, если вернуть память, Аманда превратится в подобие маяка и будет, сама того не желая, посылать сигнальные огни. И хозяин не заставит себя ждать, а это очень плохо. Полетят головы....

– Значит, по какой-то невообразимой случайности у меня

оказалась какая-то там фигурка, которой я даже не помню. – всё никак не могла поверить в услышанное Аманда. – Может, мать принесла с блошиного рынка, может, сестры подобрали на улице. Я не знаю! Но он решил наказать именно меня... Господи, у меня целых три сестры и два брата! Почему именно МЕНЯ???

– Какая ты добрая, Анди... – промурлыкал Уоррен.

– Ты и понятия не имеешь через что я прошла!

– Хочешь сказать, что до пожара ты была другой? – вкрадчиво заметил тот.

Аманда метнула на него яростный взгляд, и Уоррен театрально схватился за сердце, а потом беззаботно сказал:

– Не обманывай себя, Анди, ты всегда была не подарком. Разве тебе довелось хоть раз испытать чувство благодарности за то, что у тебя есть? Другие девушки убили бы за такую внешность, а тебе и дела нет. Ну хотя бы вот столечко благодарности... – он свел большой и указательный пальцы вместе, оставив небольшой просвет. – Вот ты и лишилась этого и неважно как – случайность или человек. Итог-то не меняется. Или, может, ты задумалась о мести? Не стоит, это не удовлетворит тебя. Поверь. Опустошит – да, но не удовлетворит.

Аманда кипела как чайник. Она больше не видела ничего красивого в лице Уоррена и не чувствовала к нему ни малейшей симпатии. Только злость. Да сколько ему вообще лет – так разговаривать с ней? Что он понимает? Кто он такой

вообще?..

– Не стоит рассуждать о том, в чем не разбираешься! – прошипела Аманда. Эмоций было слишком много, но они вполне уместились в одном предложении.

Уоррен некоторое время пристально смотрел на нее, всё еще улыбаясь, а потом легко, словно бабочка вспорхнул со стола, обошел стул, на котором сидела Аманда, положил ладони ей на плечи и совершенно серьезно сказал:

– Не стоит меня недооценивать. Для тебя я, прежде всего тот, кто может забрать или дать тебе что-то очень важное. – с этими словами он хлопнул ее по правому плечу.

Аманда в холодном ужасе уставилась на свою недавно появившуюся руку... и не увидела ничего, кроме культи, заканчивающейся чуть выше локтя. Обычно она была прикрыта длинным рукавом, запиханным в карман какого-нибудь уродского тряпья, а сейчас... на фоне этого изысканного платья казалась еще страшней, еще омерзительней.

– *Верни ее!* – взмолилась Аманда, едва не плача. – Я больше не буду.

Не выжимая ее терпение театральными паузами, Уоррен хлопнул еще раз, и правая рука вернулась на место, словно кто-то сорвал с нее плащ невидимости. Аманда обхватила ее другой рукой и заплакала, чего не делала с детства. После пожара она плакала от боли, когда ушел Денни – от ярости, а сейчас это были слезы ребенка, которому кажется, что его мир перевернулся, потому что любимый щенок попал под

машину.

Уоррен ободряюще погладил ее плечи.

– Чуть больше учтивости, Анди, и чуть меньше вопросов. Всё, что тебе надо знать, я уже сказал. Твоя задача принести фигурку сюда, а я помогу устроить это. Если ты сделаешь всё быстро и правильно, я дам тебе то, что ты потеряла когда-то – твоё лицо, твоё тело и твою молодость. Ты понимаешь меня?

– Да! – с жаром закивала та, утирая слезы. – Я всё сделаю!

– Не сомневаюсь.

Он снова подошел к столу, взял свой котелок, натянул поглубже, что очень ему шло, надо сказать, и улыбнулся.

– И еще мне кажется, теперь ты начинаешь понимать, что такое быть благодарной за то, что тебе дано.

Аманда продолжала нервно кивать, словно заведенная, и она была весьма искренна. Теперь она действительно испытывала сказочную благодарность за свое лицо, глаза, руки, ноги, волосы и каждую клеточку своего организма. Уоррен весьма лестно отозвался о ее внешности, но, правда в том, что в дверь Анды никогда не ломились поклонники. Они имелись, конечно, но никогда не переступали черту дозволенного – проведенный отравленной мыслью предел. Она страдала из-за этого, не понимая, почему к потаскушке Синди парни клеились, словно стикеры, а на нее просто глядели украдкой, никогда не приближаясь. Но в чем же причина? Не в гордыне ли? Возможно... но здесь есть что-то еще.

– Я знаю, что тебя развеселит, Анди. – с энтузиазмом сказал Уоррен. – Поднимемся наверх. Там так красиво. Ты будешь в восторге.

С этими словами он направился к винтовой лестнице и взлетел по ней стремительно, как мальчишка, для которого не существует ни стен, ни ступеней. В кармане его пиджака что-то звякнуло.

Знают ли молодые, что люди преклонного возраста отнюдь не шутят, говоря, насколько нереально для них подобное, и что они будто не помнят себя в том всемогущем возрасте. Аманде казалось, что это утерянный навык, но когда она осторожно преодолела пару ступеней, то поняла, что может делать это быстрее. А когда она вылезла на смотровую и встала плечом к плечу с Уорреном, то улыбалась словно девочка. За осторожностью или неуверенностью всегда кроется умение, просто из-за страха оно выглядит несколько вялым. Но оно есть. Важно помнить об этом.

Розовое небо с сочными манговыми просветами разлилось бескрайним всеобъемлющим океаном и, казалось даже, источало аромат – тонкий, пряный, сладковатый или с кислинкой... очень свежий. Хоть скорей всего виной тому были растения и деревья. Аманда всю жизнь прожила в мегаполисе и просто представить себе не могла, насколько богатой может быть флора. Не на экране, а на самом деле. И пусть она и не находилась настолько высоко, чтобы судить о повсеместности этого буйства зелени, Аманда пребывала в

полном восторге, как и обещал Уоррен. Ей открылись земли, едва ли похожие на ее район, о котором напоминали только те две дороги и дыра в заборе. Часто растущие высокие деревья раскинулись пышными кронами, что даже если бы где-то там и были дома, она бы их не разглядела. Зато Аманда видела другое – тонкую голубую полосу вдаль. Может быть, огромное озеро или море, а то и целый океан. Как должно быть здорово здесь жить.

– А что это... – начала, было, свой вопрос Аманда, но не закончила, потому что уже в следующую секунду летела вниз, визжа от ужаса. И последнее, что она запомнила перед столкновением с землей – это собственную распластавшуюся и растущую по мере их сближения тень.

* * *

Уоррен закрыл небольшую калитку, перегнулся через парапет, с интересом наблюдая, как Аманда почти грациозно нырнула в собственную тень, а потом устоял перед собой. Лицо озарила мечтательная улыбка. Он очень любил это место, потому что сотворил его своими собственными руками. Здесь он был практически в безопасности. *Практически* потому, что присутствие Аманды все-таки создавало атмосферу некоторого волнения. Она может привлечь внимание хозяина. А до поры до времени этого допускать никак нельзя. Всё должно развиваться постепенно и в то же вре-

мя неожиданно. Уоррен глубоко задумался и, похоже, надолго. Его большие карие глаза остекленели, ловя блики грейп-фрутового неба с дольками манго. Восхитительный закатный коктейль. На губах застыла легкая улыбка, а лицо отражало крайнюю целеустремленность. Рука нырнула в карман пиджака, нащупав что-то звякающее, и рефлексивно сжалась в кулак.

Уоррен Глик был избалованным юношей и очень целеустремленным, а у таких всегда одна и та же беда – они свято уверены, что достойны большего.

Туда и обратно

Аманда лежала лицом вниз и не хотела подниматься... или просто не могла. Ее тело болело так, будто она и впрямь упала и как минимум из окна своей спальни на втором этаже. Казалось, что ноги и руки – *рука* – сломаны, а мозг вытекает из ушей. *Ну что за урод!* – кричало ее ущемленное внутреннее «я». Спина всё еще ощущала на себе ладонь Уоррена, столкнувшую Аманду со смотровой площадки. Он просто открыл калитку и столкнул ее.... СВОЛОЧЬ! Слезы обиды стекали по впалым щекам, а может, это были слезы ярости? Но в любом случае, что-то Анда размякла. Она тяжело перекатилась на спину и приподнялась на левом локте, чтобы подняться. Кое-как усевшись, Аманда с горечью отметила отсутствие правой руки, частичную слепоту, ожоги и мешковатое бесцветное платье. Ну, здравствуйте, старые друзья....

Она сидела на территории ткацкой фабрики прямо перед замызанной дверью. Вряд ли, здесь кто-то поможет ей подняться, и Аманда, кряхтя, оперлась на единственную руку, кое-как перенесла вес на сразу же взывшее от боли и ужаса колено, и тяжело поднялась, с завистью вспомнив ту легкость, с которой она проделала подобную процедуру в прошлый раз. Казалось, что череп изнутри был увешан килограммовыми гирями, словно рождественская елка, и мозг

утроился в размерах. И еще эта несусветная тупость и заторможенность, какая бывает у пациентов психиатрических клиник после лошадиной дозы каких-нибудь нейролептиков. В общем, все старые ощущения вернулись. Заняли свои места в первом ряду.... Антракт закончен – не пропусти-те продолжение никчемной жизни Аманды Робсон. *Ну, уж нет!* – подумала та. – *Хочешь избавиться от всего этого дерьма, двигай своей дряхлой задницей да поживее!*

Подобрав сумку, она с трудом поковыляла к пролому в заборе, на котором сейчас не было никаких идеальных голубых роз, пролезла, что оказалось далеко непросто, и взяла курс на улицу Ив. Тень, отбрасываемая Амандой, лежала по диагонали перед ней, что заставило задуматься о времени проведенном *не здесь*. Судя по солнцу, был где-то час, а может и полвторого. Когда утром она чуть ли не подбегала к фабрике в погоне за Гликом, дело шло к двенадцати. Что ж, выходит, время и там, и здесь – одинаково. Хотя, с другой стороны, кто сказал, что сейчас всё тот же унылый день?..

Всё почему-то пугало и настораживало сейчас, а Убийца не лез из головы. Уоррену легко говорить, его не поджаривали заживо... а вдруг месть и принесет удовлетворение? Вдруг она не опустошит? Всю свою жизнь Аманда винила в своих бедах Всевышнего, которого, кстати, вообще очень удобно обвинять. А теперь выходит, во всем виноват человек, и это уже совсем другое дело. С ним ведь всегда можно сделать то же самое, разве нет? Ну, если хорошенько поста-

раться, а Аманда умела стараться, если отчаянно хотела что-то получить – будь то новый телефон или льготы, на которые не имела права.... Всё достижимо, если правильно давить на кнопки. Это была приятная мысль, но почему-то Аманда всё-таки испытывала беспокойство насчет Убийцы. То, как затихал голос Уоррена, когда тот говорил о нем... как будто боялся, что Убийца услышит. Надо быстрее заканчивать с этим.

Аманда шла с максимальной для себя скоростью. Чувство тревоги всё нарастало, и она даже вскрикнула, когда синий Фольксваген, пролетевший на большой скорости свой поворот, резко дал по тормозам, нарушив тишину оглушительным визгом. Аманда, у которой едва не разорвалось сердце, осыпала водителя такой бранью, что даже самый закоренелый пьянчуга мог бы пополнить свой словарный запас. Все звуки почему-то казались громче сейчас, и они угрожали, сигнализировали о чем-то надвигающемся. Опасность мерещилась за каждым поворотом, и сердце отчаянно билось в груди, грозясь не дотянуть до родового гнезда. Когда Аманда всё-таки добралась, напряжение достигло наивысшей точки.

Сегодня она поставила своеобразный рекорд – дошла до отчего дома за полчаса и теперь едва держалась на ногах, но за закрытой дверью испытала долгожданное облегчение. Здесь казалось безопасней. Бросив, как обычно, сумку в прихожей, Анда поспешила наверх.

Он был огромным – дом Флиннов – и старым, а еще очень

любил детей, чего не скажешь про его последнюю обитательницу. Его построил прапрадед Аманды, тем самым дав уютный и светлый кров для следующих четырех поколений. Дом всегда был гостеприимным... ну, во всяком случае до тех пор, пока его жители не стали разъезжаться, умирать и в итоге не сократились до одного. В прежние времена он радушно принимал множество гостей, накапливая их истории. Светлый в любое время суток. Бывают плохие дома, бывают хорошие – этот был одним из лучших.

Чердак всегда считался запретным местом. Темная душа дома, как выразился Глик? Что ж, возможно.... Туда дозволялось подниматься только старшим. Это правило появилось после того, как чердачный люк огрел по голове Брайана, едва не проломив тому череп. Кровищи было! Они тогда всерьез перепугались. В итоге брат провалялся в больнице неделю с сотрясением мозга, потом еще месяц дома, а с играми на чердаке было покончено раз и навсегда. Аманда не поднималась туда с самой свадьбы, когда перетаскивала свои старые вещи.

Оказавшись прямо под люком, она дернула вниз лестницу, переводя задумчивый взгляд с одной непостижимой цели на другую. Подняться на чердак и открыть тяжеленный люк – дело не из простых, а уж для семидесятитрехлетней инвалидки с тяжелейшим артрозом... вообще из области фантастики. Но через минут пять она всё-таки преодолела себя и боль, чтобы совершить невозможное. Люк, как и думала

Аманда, оказался очень тяжелым, но она сумела его откинуть, хоть при этом чуть не сорвалась со ступеней, но вовремя схватилась за перекладину. Открывание люков – еще одно едва проходимое испытание для одноруких людей.

Наконец, Аманда, тяжело отдуваясь и истекая потом, выбралась на чердак и нащупала выключатель справа от себя. Память – странная штука, держит такие мелочи, а важные вещи как целое детство, например, выкидывает за ненадобностью....

Сказать, что пыли было много или что она лежала толстым слоем – это вообще ничего не сказать. После смерти Лоис Флинн больше не нашлось желающих приходить сюда, чтобы убраться. Намного легче просто не замечать, как будто в их доме и вовсе нет чердака.... Последней сюда поднималась Синди – вторая по старшинству сестра Аманды, когда переезжала в дом к мужу, с ворохом старых дурацких мягких игрушек, изношенной детской одежды и прочим хламом, некогда составлявшим уклад ее жизни. Всё это видела сейчас Аманда в тусклом свете, разобранным по коробкам и под невообразимым слоем пыли. Казалось, что в нее можно окунуть палец, и тот утонет на целую фалангу. Само по себе дышать здесь казалось опасным... но Аманде всё же придется провести здесь некоторое время. *Много времени...* – подумала она, озираясь, и чихнула, словно в знак протеста. Горы картонных доверху забитых коробок, стеллажи и здоровенный сундук. Да-а... работенка предстояла еще та. Хотя

ее можно и ускорить.

Аманда схватилась за край одной из коробок и швырнула на пол, вывалив тем самым всё ее содержимое. Она никогда не славилась особой аккуратностью, предпочитая ей скорость. Такая стратегия определенно облегчила задачу, и уже через час Анда, непрерывно чихая, сидела на выпотрошенном сундуке посреди целого моря хлама, будто на маленьком спасительном островке, и смотрела вниз.

Пыль стояла столбом, а запах старого оказался настолько едким, что слезились глаза, но это не помешало ей разглядеть то, что вывалилось из дебрей сундука. Действительно статуэтка из черного камня, похожего на оникс, размером с ладонь. Действительно демон – с рогами, вытянутым лицом с высокими скулами, миндалевидными глазами, в которых усматривались вертикальные зрачки... но довольно странно одетый – в мундир с эполетами и кучей наград на груди, а на бедре висела сабля. *Искуснейшая работа!* – подумала Анда, взяв фигурку в руки. Как можно о таком забыть? И что за безумная игрушка!? Хотя игрушка ли? Если из-за нее такой переполох.

Глаза Аманды сузились – она не помнила ее. Не помнила, где нашла, и не понимала, каким образом статуэтка могла принадлежать ей. И при всей бредовости ситуации что-то произошло, когда она взяла каменную фигурку в руку. Какая-то связь ощущалась между ними... какая-то странная тяга. Она так удобно помещалась в ладони, так уютно в ней

лежала, словно скипетр – странная, но точная параллель. Ее было так приятно держать, дотрагиваться пальцами до черной, почти зеркальной глади камня, из которого сделали статуэтку, и прохладной на ощупь. Она буквально утягивала взгляд, топила его в черных водах.

Спина демона была наиболее гладким местом, что Аманда даже умудрилась рассмотреть собственное отражение... уродское отражение – его уменьшенную копию. Оно затягивало, приглашало в своего рода медитацию. Аманда была практически загипнотизирована этим зрелищем и даже не сразу заметила, что отражение больше не принадлежало ей. Сперва она подумала, что это Уоррен смотрит на нее из черного омота, потому что прическа показалась похожей, но это только на первый взгляд. Никакой игривости в образе. Идеально подстриженные у основания шеи волосы казались наброшенным капюшоном, внутри которого обычно изображают череп. Нет, это определенно не Уоррен... Этот мужчина, смотрящий на нее по-волчьи, был явно не расположен шутить. Хищный взгляд исподлобья испепелял Аманду, а ухмылка источала голод. Что-то совершенно потустороннее крылось в этом лице... что-то недоброе, вызывающее ступор и дрожь.

Рассмотрев это, Аманда взвизгнула, словно девчонка и отбросила статуэтку в сторону. Она хотела убраться отсюда поскорей, но с пустыми руками – *рукой* – вернуться не могла. Сердечный ритм снова сбился, и замаячила угроза приступа. Раскрасневшаяся Аманда схватила первую попавшуюся

тряпку – ей оказалась ее детская футболка в розочку, перешедшая от Синди – и поползла к отброшенной фигурке на своих артрозных коленях. Она обмотала её трясущейся рукой, постоянно роняя, и, наконец, запихнула в карман, отчего тот раздулся, словно за этим куском ткани Анда прятала уродливый нарост. Ее всю колотило, боль в коленях расцвела пышным цветом, а желания повертеть фигурку в руках поубавилось. Больше никогда-никогда она не хотела видеть лицо этого человека. Убийца. Вся смысловая нагрузка, которая только могла содержаться в этом определении, отразилась на его хищном лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.